

юридический бизнес

Поймай меня, если сможешь: на пороге русского траста

Как известно любому второкурснику юридического факультета, в России траста нет. Вопросы, которые иностранные юристы рассматривают через призму, например, многоликих трастов или концепции фидуциарной собственности, российский правопорядок вынужден решать множеством альтернативных инструментов. Партнер Petrol Chilikov **Олеся Петроль** и старший юрист Petrol Chilikov **Дарьяна Епихина** рассказали, Ъ" о некоторых из них: представительстве, правилах о юридических лицах, посредничестве, ничтожности сделок, добросовестном приобретателе и других.

— практика —

Среди многообразия и смыслов, стоящих за понятием траста, выделяется идея «просто́го» («голо́го» траста) или обычного номинального держания. По многим причинам — публично-правовым, репутационным, психологическим — человек может не хотеть, чтобы все знали, что что-то ему принадлежит. В этом случае может использоваться простое решение — «переписать» имущество на «номинального держателя» (некоторые европейские коллеги назовут это фидуцией). Если мотивы такого нежелания не предосудительны и права других не нарушаются, то почему нет? В конце концов, это проблема самого собственника — «переписывая» имущество на «номинала», он создает риски для себя. Если «номинал» вдруг, например, продает это имущество, или умрет, или начнет делить имущество с супругом, то скрытный «реальный собственник» может столкнуться с реальными же проблемами.

В любом случае в ситуации «номинальный держатель — реальный собственник» правопорядок обязан различать ситуации допустимого мотива такой организации и другие — когда интересы других лиц настоятельно требуют атрибутирования имущества реальному обладателю, а не тому лицу, который в створе с таким обладателем симулирует обладание правом.

И здесь, несмотря на то что в России траста (как, видимо, и необеспечительной фидуциарной собственности, хотя последнее спорно) нет, суды вынуждены вырабатывать решения, направленные на слом созданной симулянтми видимости отношений присвоения. Отсутствие общего правила, кото-

Олеся Петроль

рое описывало бы возможность передачи имущества в фидуцию и ограничения, когда третьи лица вправе вторгнуться в трастовую организацию, вынудило суды изобретать ad hoc решения, направленные на «вменение» имущества реальному собственнику, отрицающему свое господство.

Самой простой из проблем, которую российское право решило давно, стала ситуация «перекидки» — когда должник в исполнительном производстве, издеваясь над приставом и взыскателем, быстренько «продавал» (должники попросту «дарили») имущество друзьям или близким родственникам. Суды — и это совершенно правильно

Дарьяна Епихина

— применяли к таким действиям должника правила о мнимых сделках. Бремя доказывания мнимости этих сделок возлагалось на взыскателя или пристава, которым было непросто доказать, что «продавец» или «даритель» продолжили пользоваться имуществом, однако суды, похоже, во многих делах шли навстречу взыскателю (отсюда, например, довольно странная — если смотреть вне контекста — практика восприятия регистрации машины в ГИБДД как чего-то приближающегося по своему значению к государственной регистрации недвижимости).

Дальше ситуация стала развиваться в логике «игры в догонялки». «Застенчивые соб-

ственники» поняли, что «перекидывать» имущество в исполнительном производстве поздно, и начали делать это раньше. Судам пришлось рассматривать споры, где должник по исполнительному производству скидывал активы после вступления решения в силу, но до возбуждения исполнительного производства, потом — до вступления решения в силу, потом — до вынесения решения, потом — до получения претензии... Логично, что закончились эти «догонялки» простым ходом «застенчивого собственника»: нужно не «перекидывать» имущество с себя на номинала, а подумать загодя и изначально приобрести его на номинала».

После такого хода «застенчивого собственника» функционал мнимых сделок, очевидно, перестал годиться для вскрытия реальной принадлежности ценностей. Это, разумеется, не создает непреодолимого гражданского-правового препятствия: правила о притворных сделках позволяют посмотреть сквозь то, кого документы называют покупателем имущества, и увидеть там настоящего приобретателя. Но доказывание притворности сделки (покупателем был не номинал, а «застенчивый собственник») для лиц, пострадавших от схемы сокрытия имущества, может представлять серьезную сложность.

Проще всего, когда от «номиналов» страдают государственные интересы: широко известна санкционированная Верховным судом РФ практика ареста имущества, «фактически принадлежащего обвиняемому». Эта фигура, появляющаяся вроде бы в уголовном процессе, как раз и манифестирует притворность сделки по приобретению имущества «номиналом». Санкционированный Верховным судом РФ арест имущества, принадлежащего «номиналам», подкрепляется

последующими решениями районных судов о признании права на имущество за «реальным собственником».

Решение по известному «делу Сенаторова», рассматривавшееся через призму обратного протыкания корпоративной вуали, получило различные оценки в юридической литературе. Однако если рассмотреть это решение в логике противостояния притворным сделкам по приобретению имущества на недостижимые иностранные компании, то в последнее время оно получает поддержку со стороны других судов общей юрисдикции, которые (видимо учитывая особенность состава участников и отсутствия кредиторов у юридического лица) обращают взыскание на имущество юридического лица по долгам его прямого или косвенного участника.

В делах о банкротстве схема номинального правообладания вскрывается посредством облегчения бремени доказывания, возлагаемого на независимых кредиторов, которые могут стать жертвой симуляции собственности. По известному делу Винтоняков Верховный суд РФ, видимо, согласился с логикой о том, что приобретение имущества лицом, не имеющим соразмерного этому имуществу дохода, создает презумпцию принадлежности имущества не покупателю, а другому лицу.

Отмеченные тенденции наблюдаются не только в уголовных делах, но и в делах о банкротстве, и в обычных гражданских делах. Это вполне обоснованно: правила о притворных сделках, которые замещают фигуру устного «простого траста» в английском праве, являются нормами гражданского права. С учетом высказанных Верховным судом РФ позиций следует ожидать тенденции расширения применения практики о «реальных собственниках». Нельзя не отметить, что организация отношений «застенчивый собственник—номинал», направленная против кредиторов или жены, имеет еще и потенциал признания вредоносной с применением к такой конструкции правил ст. 1064 ГК.

Отводы судей, дипломы юрфака и сплошная кассация

— итоги —

«Из-за таких необоснованных заявлений раньше приходилось ждать председателя судебного состава, отнимать время у судей, представителей сторон, да и участников других судебных процессов, ожидающих своего заседания в коридоре», — указывает Александр Боломатов. По его мнению, разрешение отвода единолично тем же судьей реализует принцип процессуальной экономии, а судья как объективный профессионал должен быть способен сам оценить наличие у него заинтересованности.

Фундаментальным изменением для судов общей юрисдикции (СОЮ) стало появление пяти отдельных апелляционных и десяти кассационных судов для обжалования решений судов субъектов федерации. Андрей Корельский называет это «действительно важным и полезным тектоническим сдвигом для системы СОЮ». Это «давно назревшее изменение», приближающее гражданский процесс к арбитражному, и главное, что новые суды неплохо начали работу, говорит он. Иван Веселов положительно отзывался о выделении кассации из судов субъектов в отдельные суды, добавляя, что законодатель пошел дальше: «Теперь все кассационные жалобы, которые соответствуют формальным требованиям, должны быть рассмотрены кассационной коллегией (сплошная кассация). Можно сказать, что наконец-то в СОЮ появилась полноценная третья инстанция».

Денис Голубев тоже считает это главным нововведением: «Если раньше при подаче кассационной жалобы существовал барьер на входе — судья единолично решал, заслуживают ли аргументы внимания и следует ли передать жалобу в коллегию, то теперь поданные надлежащим образом жалобы будут рассматриваться в судебном заседании». Позитивно оценивает эту новеллу с позиции реализации права на судебную защиту и партнер АБ «Андрей Городинский и партнеры» Марина Абрамова: «Ни для кого не секрет, что процент дел, пересматриваемых на стадии кассации, крайне мал, но обязательное рассмотрение дела в кассации коллегиальным составом судей все же повышает шансы на пересмотр». «За основу была взята модель отбора жалоб в арбитражном судопроизводстве, предусматривающая передачу на рассмотрение любой кассационной жалобы, соответствующей требованиям законодательства. Это изменение определенно носит положительный характер ввиду потенциального обеспечения более высокого уровня доступа к правосудию», — отмечает Марк Каретин.

Александр Боломатов называет эту поправку важным шагом к унификации судебного процесса, уточняя, что она, очевидно, повлекла увеличение нагрузки на судей и на бюджет, «но это того стоит, ведь ранее институт кассационного обжалования был практически нерабочим». «Раньше апелляционная инстанция воспринималась как последняя надежда проигравшей стороны донести

до суда свою правоту. После введения сплошной кассации появляется еще одна возможность реально объяснить судьям свою позицию. Немаловажно и то, что кассационный суд теперь физически и юридически отделен от апелляционного суда, и это, безусловно, должно способствовать беспристрастному рассмотрению кассационной жалобы», — подчеркивает он.

Иван Веселов относит к знаковым и позитивным изменениям также отмену понятия «подведомственность» в АПК и ГПК (заменено словом «компетенция»): «Это не просто смена терминологии, но и исключение одного из оснований для отказа в принятии иска и прекращения производства по делу — подведомственность спора арбитражным судам или СОЮ. Возможность передачи дела в суд другой ветви устраняет риск пропуска исковой давности в ситуациях, когда вопрос о компетенции судов является спорным». «Это вносит ясность и гарантирует доступ к правосудию в тех ситуациях, когда лицо даже допустило ошибку при подаче иска», — приветствует новеллу Денис Голубев. Эту точку зрения разделяет и Виктор Петров: «Введение института сквозной компетенции позволяет оперативно передавать спор в корректную судебную инстанцию для его рассмотрения». Замена одного понятия на другое, считает Марк Каретин, не повлияет на институт подведомственности по существу, так что эту поправку можно назвать «косметической» или даже «технической», но возможность передать дело из одного суда в другой при выявлении факта неподведомственности дела является позитивным изменением.

Марина Абрамова видит потенциальные проблемы в этой сфере: «Новые правила я бы оценила неоднозначно. С одной стороны, у истца нет необходимости еще раз подавать иск, зачастую уже с риском пропустить срок на обращение в суд. С другой стороны, возможность передачи дела из СОЮ в арбитражный суд открывает дорогу для разного рода злоупотреблений, связанных с затягиванием рассмотрения дела. Кроме того, может возникнуть ситуация, когда дело передано в арбитражный суд, а ранее принятое определение СОЮ об обеспечительных мерах будет обжаловаться по ГПК». «В связи с этим потенциально в новом году можно будет столкнуться со случаями намеренного „неправильного“ обращения в СОЮ, где обеспечительные меры получат легче», — предупреждает и Иван Веселов.

Андрей Корельский также отмечает увеличение сроков на рассмотрение дел в арбитражном суде первой инстанции с трех до шести месяцев (по особо сложным делам — до девяти месяцев): «Это существенная помощь судьям, особенно в судах крупных городов, где очень высокая нагрузка. В трехмесячные сроки многие просто не укладывались, что негативно сказывалось и на статистике, и на качестве правосудия соответственно, когда судьям приходилось не до конца подготовленные дела подгонять под сроки в угоду статистике», — указывает господин Корельский.

Александр Боломатов обращает внимание и на изменение правил по групповым искам в АПК: они стали «более структурированными и понятными», поэтому данный институт имеет все шансы прочно войти в юридическую практику. Нормы о групповых исках включили теперь и в ГПК, что может повлечь появление громких и массивных потребительских исков, не исключает он. Марк Каретин добавляет, что это дает возможность группам граждан обращаться в СОЮ за защитой прав потребителей, возмещением вреда и отстаивать права неопределенного круга лиц в сфере ЖКХ, что позволит снизить судебные расходы и сделать правосудие доступнее для людей. По его мнению, это также усилит роль «гражданского надзора» при осуществлении деятельности предпринимателями и госорганами.

Юристы также отмечают расширение сферы упрощенного и приказного производства. Для «упрощенки» цена иска увеличена до 800 тыс. руб. для юрлиц (ранее 500 тыс. руб.) и до 400 тыс. руб. для ИП (ранее 250 тыс. руб.). Судебный приказ арбитражные суды будут выдавать при цене иска более 500 тыс. руб. по требованиям, основанным на неисполнении или ненадлежащем исполнении договора, признанным должником, а также на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта. В приказном производстве цель по разгрузке судей должна сработать, но в упрощенном это вряд ли произойдет, полагает Марк Каретин: «Ответчики будут просить о рассмотрении дела по общим правилам, ссылаясь, например, на необходимость провести осмотр доказательств или экспертизу. С другой стороны, такой порядок может быть удобен для сторон ввиду отсутствия необходимости очного присутствия и возможности направления документов и ознакомления с ними дистанционно».

«Сначала было много неопределенности»

Вопросы по поводу применения новелл во многом были решены постановлениями пленума от 9 июля и обзором практики Верховного суда РФ от 25 декабря 2019 года.

По словам опрошенных „Ъ“ юристов, больше всего проблем возникло с подтверждением юридического образования. «Сначала было много неопределенности, все суды по-разному оценили нововведения, кто-то просил оригиналы дипломов, кто-то даже проверял оценочные листы и шутил, когда видел „тройки“ по процессам у представителя, кто-то просил нотариальные копии, кому-то хватало обычной ксерокопии», — говорит Андрей Корельский. Ряд юристов предлагает разработать механизм аккредитации юриста в суде или создать некую единую базу, куда бы вносились данные о дипломе, чтобы представителям не было необходимости каждый раз носить его в суд, а судье — проверять его наличие.

Кроме того, из поправок не ясно, нужен ли диплом только для участия в судебном заседании или при любом процессуальном

действии. Марина Абрамова рассказывает, что практика здесь самая разная: «СИП свободно разрешает знакомиться с материалами дела и снимать копии лицам с доверенностью, но без юробразования. При этом в одном из региональных судов лично я столкнулась с тем, что при наличии адвокатского удостоверения, ордера и доверенности у меня потребовали предоставить подлинник диплома». Она считает, что на этот счет нужны разъяснения ВС.

По мнению Виктора Петрова, проблемы связаны в основном с эксцессами исполнителей в конкретных случаях: подходит ли копия диплома о высшем юридическом образовании или нужен оригинал, как следует оформлять раздел иска о примирительных процедурах и пр. Разночтения по ним, считает юрист, устранятся с формированием единой практики, а разъяснения ВС потребуются, только если проблемы не будут разрешены в течение длительного времени.

Господин Веселов обращает внимание, что введение образовательного ценза повлияло и на статус сотрудников компании (бухгалтеры, инженеры и др.), которые ранее давали в суде пояснения как представители стороны: «Сейчас такие сотрудники могут выступить лишь как свидетели или специалисты, что влечет действие специальных норм АПК и ГПК (правила отвода для специалиста; возможность допроса свидетеля другой стороной); риск того, что суд откажет в вызове свидетеля или специалиста). Письменные же пояснения таких лиц могут быть восприняты судами как доказательство, которые в обход закона подменяют собой допрос свидетеля. Возможно, в будущем законодатель ина высшие суды поставят перед собой вопрос, оставить, как есть, или представить таким лицам некий специальный статус».

Александр Боломатов также считает востребованными разъяснения ВС о правилах применения процессуального закона в отношении дел, возбужденных до процессуальной реформы.

Движемся по пути унификации

В целом юристы оценивают итоги реформы положительно, отмечая, что правила арбитражного и гражданского судопроизводства все больше сближаются. Андрей Корельский: «Вектор на сближение двух процессов, арбитражного и в судах общей юрисдикции, уже налицо. Общая же задача — чтобы рано или поздно процесс стал единообразен и слился в единую систему на всех инстанциях с единым процессуальным кодексом, а не существовал бесконечно долго в двух исторически сложившихся параллелях с разными процессуальными правилами игры для граждан и бизнеса».

Александр Боломатов тоже констатирует, что «процессуальное законодательство движется по пути унификации» и «имеющиеся тенденции можно в целом оценить как положительные». Виктор Петров указывает, что процессуальное законодательство РФ, с одной стороны, заимствует зарубежный опыт

профессионального представительства, с другой — стремится адаптировать закон под растущее количество дел и значительно большую территорию, чем у большинства государств мира. «В связи с таким объемом споров (как арбитражных, так и в общей юрисдикции) процессуальное законодательство одновременно должно отвечать требованиям гибкости и меньшего формализма», — считает юрист.

Марк Каретин: «Очевидно, в вопросах процессуального законодательства законодатель пошел по пути гармонизации и конвергенции процессуальных кодексов. «Основная задача, которая ставилась законопроектом, — разгрузка судов и оптимизация нагрузки судей. При этом инициатива об отмене „договорной“ подсудности, предложенная ранее законодателем и решившая бы частично проблему нагрузки московских судов, так и не попала в финальный вариант закона», — отмечает он.

Также юристы высказали ряд предложений о дальнейшем изменении правил процесса. При этом большинство экспертов высказались за возврат к старой модели отвода судей по АПК, чтобы такие заявления рассматривал председатель суда или судебного состава, и за введение такого же порядка в ГПК.

Денис Архипов, партнер АБ «Горлов, Пугинский, Афанасьев и партнеры», видит потребность в «более масштабных изменениях для опережающего развития нашей правовой среды». Так, он считает необходимым снижать судебную нагрузку путем стимулирования должников к погашению долгов, чтобы сократить число дел о взыскании бесспорной задолженности в судах. Кроме того, он призывает к сохранению и развитию системы электронного правосудия не только в арбитражных судах, но и в СОЮ. «Электронный документооборот должен стать доминирующим в судебной практике», — указывает Денис Архипов. Юрист подчеркивает, что единообразие практики должны обеспечивать в первую очередь низестоящие суды, которым надо «неукоснительно следовать правовым позициям Верховного и Конституционного судов». По мнению господина Архипова, нельзя допускать возбуждение уголовных дел, пока не исчерпаны все способы гражданского-правовой защиты, а если в пользу участника спора уже есть решение по гражданскому делу, то в отношении его не должно инициироваться уголовное дело, кроме случаев, когда это решение было заведено незаконным и отменено. Эксперт также предлагает расширить в АПК и ГПК полномочия сторон и суда в сборе доказательств, приблизив их к американскому discovery или английскому disclosure, а право прокурора оспаривать сделки коммерческих юриц с госучастием, напротив, ограничить. «Представители публичного собственника не являются слабой стороной правоотношения, а потому могут самостоятельно защищать свои права в рамках корпоративных споров», — объясняет господин Архипов.

Анна Занина